

**Особые практики аскетизма и отшельничества
у старообрядцев и сектантов Российской империи
во второй половине XIX в.:
Взгляд религиоведа А.С. Пругавина
(по статье «Самоистребление.
Проявления аскетизма и фанатизма в расколе») ¹**

А.А. Дроздюк, Н.Ю. Кузнецова

Петрозаводский государственный университет

г. Петрозаводск, Россия

a.drozdiuk@yandex.ru, foliage.07@mail.ru

Авторы анализируют взгляд известного в дореволюционной России религиоведа и историка А.С. Пругавина на практики аскетизма и отшельничества в старообрядчестве и сектантстве. Источником для изучения послужила статья Пругавина «Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе», а также материалы из личного фонда религиоведа в Российском государственном архиве литературы и искусств в Москве. Пругавин указывал, что различные практики отречения от мира были часто распространены в среде религиозных неконформистов и имели различные варианты выражения. Авторы прослеживают ряд важных заключений, к которым пришел А.С. Пругавин, исследуя подобные практики. Он полагал, что аскетизм и отшельничество в сектантской и старообрядческой среде имели под собой скорее социальное (прикладное) основание, нежели духовный базис.

Ключевые слова: отшельничество, практика аскетизма, религиоведение, старообрядчество, сектантство, А.С. Пругавин, религиозные группы Российской империи

**Specific ascetic and reclusive practices
among old-believers and sectarians in the Russian empire
in the second half of the 19th century:
Alexander prugavin's view in his paper
(«Self-destruction: manifestations of ascetism
and fanatism among old-believers»)**

A.A. Drozdjuk, N.Yu. Kuznetsova

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

The authors analyze the Alexander Prugavin's view on specific ascetic and reclusive practices among Old Believers and Sectarians in the Russian Empire, in the second half of the 19th century. The article «Self-Destruction: Manifestations of ascetism and fanatism among Old Believers» and archival materials from Prugavin's personal fund served as a source for study. Archival materials are in the Russian State Archive of Literature and Arts in Moscow. A.S. Prugavin, exploring such practices, believed that specific ascetic and reclusive practices among Old Believers and Sectarians environments had a applied rather than a spiritual basis.

Keywords: hrmitage, the specific ascetic and reclusive practices, religious studies, Old Believers, Sectarians m, A.S. Prugavin, religious groups of the Russian Empire

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

Отшельничество как религиозная практика берет начало еще в раннем христианстве, когда верующие, добровольно отказывавшиеся от взаимодействия с социумом в пользу жизни духовной, стали именоваться «аскетами» и «отшельниками». В Православной энциклопедии аскетизм в христианстве определяется как «подвижничество, есть ревность и сила пребывать в деятельном, путем подвигов (постничества, девства, отшельничества и др.), общении с Богом, <...> для обретения истинно христианской настроенности как залога к участию в Царствии Небесном» [4, с. 539]. По мнению некоторых современных исследователей, под отшельничеством и аскетизмом «понимается определенный путь к духовно-нравственному совершенству и объединению с Богом» [2] или «метод нравственного совершенствования и духовного возвышения человека посредством регуляции им своих телесных и душевных побуждений» [1, с. 188].

Характерный для многих христианских течений аскетизм как практика отречения от мира ярко и своеобразно проявил себя в религиозной практике старообрядческого социума. Известный религиовед и историк Александр Степанович Пругавин (1850–1920), посветивший большую часть жизни изучению религиозных течений в русском народе, отмечал, что «крайности мистицизма всегда с особенною силой проявлялись в тяжелые эпохи общественных бедствий» и способствовали возникновению и массовому распространению аскетизма, как отторжения мирского, в различных его вариациях. Особенно ярко по мнению исследователя это «проявлялось среди раскольников и сектантов» [7].

Стоит уточнить, что сам А.С. Пругавин под расколом понимал не только и не столько религиозную группу старообрядцев, но в целом, «совокупность всех вообще религиозно-этических и религиозно-бытовых протестов и разномыслий русского народа» [6, с. 9]. То есть автор объединял в этом понятии все существовавшие на тот момент в Российской империи религиозные группы, отличные от официальной Русской Православной Церкви. В этой связи, его заслуга как религиоведа, несомненно, состоит в том, что Пругавин пытался точно сформулировать понятие, достоверное определение которого и в гражданском законодательстве, и в богословской науке в последней трети XIX в. вызывало вопросы.

Однако, если взглянуть на классификацию религиозных течений в русском народе, разработанную исследователем и опубликованную в работе «Раскол и сектантство в русской народной жизни», а также схемы, посвященные классификации сект и старообрядческих течений, которые сохранились в личном фонде Пругавина в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве, то выяснится его интересная точка зрения. Религиовед выделял в русском народе три крупные религиозные группы «секты староверческие, рационалистические и мистические» [6, с. 77], но при этом указывал, что все они тесно взаимосвязаны и переплетены между собой. На рис. 1 и рис. 2 представлены две схемы, составленных Пругавиным. Отчетливо видно, что часть направлений и толков помещается на разных схемах в разных местах, а между группами верующих исследователь поместил переходные группы. Более подробно с данными изысканиями публициста в области классификации религиозных течений в русском на-

роде можно познакомиться в статье «Старообрядчество Европейского Севера по материалам А.С. Пругавина: эволюция внутриконфессиональных границ» [3].

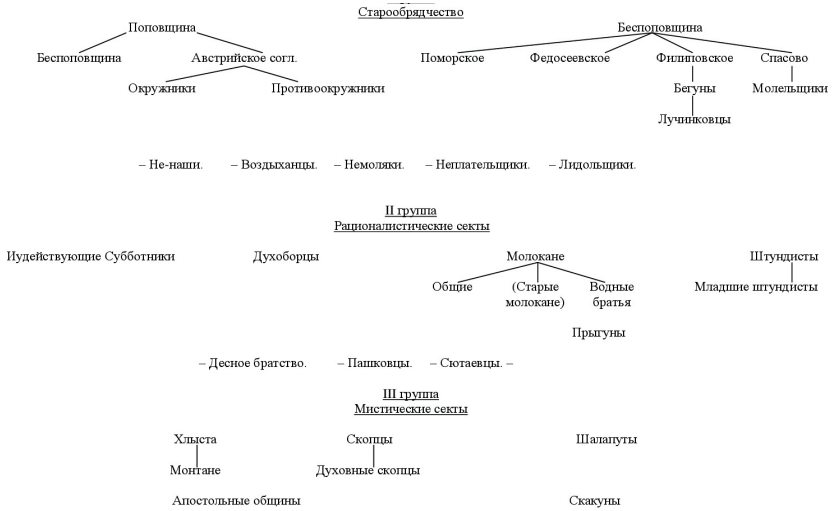

Рис. 1 Схема «Классификация сект» (рисунки А. С. Пругавина) [РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 67. Л. 113 об. - 114].

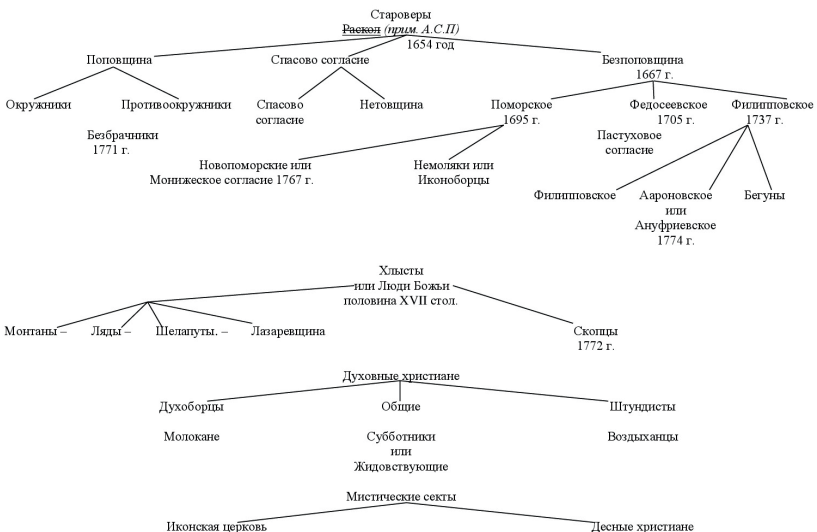

Рис. 2 Схема «Дерево раскола» (рисунки А. С. Пругавина) [РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 67. Л. 117 об. - 118].

Пругавин, на основе приведенных выше собственных исследовательских данных, заключил, что «до известной степени» все религиозные движения в народе «составляют одно целое», так как основой у всех служит «искреннее стремление народа добиться истины, правды» [5, с. 347]. Таким образом, схожее основание должны иметь у них и аскетические стремления, и отшельнические практики.

Работа А.С. Пругавина «Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе» была опубликована в 1885 г. в двух номерах журнала «Русская мысль». Именно во второй части, в одноименном разделе статьи получила освещение практика отшельничества. При этом автор не просто констатирует факт, описывая имевшее место быть явление, но, через примеры подобных явлений в ряде губерний России, через русские духовные стихи пытается вызвать у читателей интерес и стремление понять всю глубину и масштабность данных практик.

В начале Пругавин для себя и для читателей формулирует понятие «аскетизма в России или, точнее, в русском расколе» через «четыре вида умерщвления плоти», к которым, по его личному мнению, сводится обозначенное явление [7]. Эти требования – «отречение от мира и общества, удаление в пустынные и уединенные места; воздержание от пищи, изнурительные посты; самобичевание или добровольное истязание тела и, наконец, отрицание половых сношений» [7, с. 129–130] – как считает Пругавин, становятся обязательными к исполнению для любого старообрядца или сектанта, который выберет отшельнический путь.

Причин, по которым распространяется в народе отшельничество и аскетизм, религиовед выделяет несколько. Это и «мысли об Антихристе», и признание «скорой кончины мира», и боязнь «близости страшного суда», а также вполне земные явления как «голод, нищета, чума, холера, разорительные войны» [7, с. 130]. Тут же Пругавин отмечает, что настроения эти в массе русского народа, хоть и имели место быть всегда, но существуют циклически. До определенной поры подобных приверженцев присутствует небольшое количество; но, обычно после «самого незначительного толчка», желание отречься от мира и найти спасение вспыхивает с новой силой у значительной части верующих [7, с. 130]. Способствуют подобным «всплескам» мистицизма, как правило, «тяжелые эпохи общественных бедствий» [7, с. 130]. Отсюда, особо яркие проявления аскетических настроений исследователь видит в старообрядчестве, как в явлении, затронувшим наиболее глубокие религиозные переживания верующих.

В группе старообрядческих верующих Пругавин выделяет несколько значимых практик, связанных с отшельничеством и аскетизмом – «келейничество» и «стародеводство». Обе этих практики религиовед описал достаточно подробно.

Так «келейничество», бывшее в распространении среди старообрядцев-беспоповцев, представляло собой практику удаления женщин, живущих в общине, в так называемые «кельи». Сами «кельи» представляли собой «небольшие избы, устроенные обыкновенно или позади родственных домов, или в стороне от них» [7, с. 132]. Автор выделяет этот момент для читателей, подчеркивая тем самым факт, что в полном уединении населявшие подобные «кельи» жительницы – «келейницы» – не оказывались, хотя члены общины «на них смотрели, как на отшельниц»

[7, с. 132]. При этом подобная практика допускала как проживание «келейницы» в «келье» одиночестве, так и проживания «в свитах», то есть в количестве нескольких человек [7, с. 131]. В этом случае женщины уже именовались «матушками» и пользовались уважением как у единоверцев, так и у православных.

Вторая практика представляла собой «обычай, встречающийся в жизни раскольников-поморян», и заключающийся в согласии девушек или женщин на безбрачную жизнь [7, с. 137–138]. Таких жительниц общины (Пругавин вновь подчеркивает, что никакого удаления в леса не происходило) отличала особая одежда – «черный платок и черный сарафан, отличный от обыкновенного покроя» [7, с. 137]. В семье и в общине подобная «старая дева», возраст которой мог начинаться от 10 лет, пользовалась исключительным уважением, все ее желания исполнялись, а остальные «беспрекословно подчинялись ей в известных случаях» [7, с. 138].

Исследователь, описывая «келейничество» и «стародевство» указывает на важный феномен, отличающий эти практики от традиционного аскетизма и отшельничества. Обе они несли важную социально-экономическую функцию для старообрядческого социума и для его окружения. Так, «келейницы» осуществляли не только «пропагандистскую» работу по распространению старообрядческого учения, но и в своих руках «сосредоточивали в то время дело обучения детей [7, с. 137]». А «старые девы», достигая периода зрелости, становятся во главе домохозяйств и «заправляют всем домом по своему усмотрению» [7, с. 137]. Как итог, А.С. Пругавин приходит к выводу, что «отшельничества аскетические стремления» в старообрядческой среде представляют собой особое явление в религиозной жизни общины, когда на первый план, замещая духовные практики, выходит «стремление женской половины старообрядческого населения к более независимой и самостоятельной жизни, а также стремление к пропаганде и распространению раскола» [7, с. 139].

Важно также отметить, что обе аскетические практики, описанные А.С. Пругавиным, наблюдались в той части старообрядческого религиозного течения, которая отрицала священство – беспоповстве. Раскольники-поморяне представляли собой один из радикальных толков данного направления, который распространился на Европейском Севере страны (современные Пругавину Архангельская и Олонецкая губернии).

Что касается сектантства, то автор указывает, что стремление к аскетизму и отречению от мира особенно ярко и во множестве отражал целый ряд мистических сект: «хлыстовщина и скопчество», «перекрещеванство», «монтанская секта», секта «людей божьих», «молоканство и штунда», «шалапуты или богомолы, прыгуны, скакуны, монтане, спасово согласие, поцелуйки, Серафимовичи и Серафимовны или «избранные братья и сестры», искатели Христа, молчальники и т. д.» [7, с. 148]. Среди последователей мистических сект, современных автору, были широко распространены духовные стихи, в которых всегда ключевой темой проходила «мысль о полной ничтожности всякого счастья здесь, на земле» [7, с. 148], но отсутствует идея о необходимости борьбы со злом, разрушающим мир.

Интересной для описания и исследования практикой, которая без сомнения «носит на себе печать аскетизма» в среде сектантов Пругавин

считает практику «юродства». При всем при том, и в этом случае исследователь указывает на происходящее изменение в основании явления, когда религиозные нон-конформисты «прибегали к юродству, как к средству для пропаганды своих воззрений» [7, с. 149].

Таким образом, А.С. Пругавин, изучая существование и распространение в старообрядческой и сектантской среде такого явления, как отшельничество, заключил, что проявления аскетических стремлений «крайне многочисленны и в высшей степени разнообразны» [7, с. 141]. Однако, основная функция аскетизма здесь претерпела определенные изменения, когда смысловая нагрузка сместилась от духовности в сторону к практической составляющей отшельничества.

Список литературы.

1. Апресян Р.Г. Аскетизм / Р.Г. Апресян // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т.1 (А–Д). С. 188–189.
2. Карасев Н.А. Аскетика как составная часть мистического богословия: исторический аспект / Н.А. Карасев // Общество: философия, история, культура. 2016. № 3. URL: <http://dom-hors.ru/vipusk-3-2016-obshchestvo-filosofiya-istoriya-kultura/>
3. Кузнецова Н.Ю. Старообрядчество Европейского Севера по материалам А.С. Пругавина: эволюция внутриконфессиональных границ / Н.Ю. Кузнецова // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2(26). С. 215–227. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.2.16092
4. Литвинова Л.В. Аскетизм / Л.В. Литвинова // Православная энциклопедия/ под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: К 2000-летию Рождества Христова. Москва: Православная энцикл., 2001. Т. 3: Анфимий – Афанасий. С. 539–608.
5. Пругавин А.С. Значение сектантства в русской народной жизни / А.С. Пругавин // Русская мысль. 1881. № 1. С. 301–364.
6. Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни / А.С. Пругавин. М.: Типография И.Д. Сытина, 1905. 89 с.
7. Пругавин А.С. Самоистребление. Проявление аскетизма и фанатизма в расколе. (Очерки, аналогии, параллели) / А.С. Пругавин // Русская мысль. 1885. Год шестой. Кн. II. С. 129–155.
8. Пругавин А.С. Статьи, заметки, схемы о расколе // Российский государственный исторический архив (РГАЛИ) Ф. 2167. Оп. 1. Д. 67. Л. 113об.–114, 117об.–118.